

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-57-62
УДК 316(045)

Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса

Т.М. Махаматов^а, А. Накова^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия

^б Институт философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария

^а <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-1244-8879>

АННОТАЦИЯ

Глобализационный процесс и его достижения обострили миграционные проблемы, породив демографический кризис в пространстве Евросоюза и Российской Федерации. Авторы статьи с позиции социальной философии и социологии исследуют влияние усиливающегося миграционного потока из проблемных регионов Азии и Африки в более благополучные страны Европы на национально-этническую идентичность и толерантность, а также на социальный капитал и доверие населения политическому руководству. В статье обращается внимание на схожесть движения идентаризма, образовавшегося в странах Скандинавии, Западной и Восточной Европы, с правыми и крайне националистическими движениями.

Ключевые слова: миграционный процесс; национальная и этническая идентичность; толерантность; культура; цивилизация

Для цитирования: Махаматов Т.М., Накова А. Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-57-62

ORIGINAL PAPER

Objective Ground of National and Ethnic Identity as Self-consciousness of an Ethnic Group

T.M. Makhmatov^a, A. Nakova^b

^a Financial University, Moscow, Russia

^b Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

^a <https://orcid.org/0000-0002-1166-4203>

^b <https://orcid.org/0000-0002-1244-8879>

ABSTRACT

The Globalisation process and its achievements have exacerbated migration problems, creating a demographic crisis in the European Union and the Russian Federation. The authors of the article from the position of social philosophy and sociology examine the impact of the increasing migration flow from the problem regions of Asia and Africa to the more prosperous countries of Europe on the concepts of national and ethnic identity and tolerance, as well as on social capital and public trust in political leadership. The article draws attention to the borderline nature of the movement of identarism formed in the countries of Scandinavia, Western and Eastern Europe, with right-wing and extreme nationalist movements.

Keywords: migration process; national and ethnic identity; tolerance; culture; civilisation

For citation: Makhmatov T.M., Nakova A. Objective ground of national and ethnic identity as self-consciousness of an ethnic group. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):57-62. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-57-62

ВВЕДЕНИЕ

Одной из современных особенностей глобализации является усиление миграционного потока из экономически отсталых, политически неустойчивых и недемократичных регионов в развитые страны Европейского союза. Подобный, но пока менее интенсивный процесс наблюдается и в пространстве России — каждый год миллионы иммигрантов из бывших союзных республик прибывают в российские города в поисках работы.

В такой ситуации испытываются прочность и устойчивость современной демократии и принципы национальной идентичности, демократической толерантности и здравого национализма в понимании Крейга Калхуна [1], Роджерса Брунгейкера [2] и др.

Увеличение числа мигрантов в Западной Европе привело к активизации правых и консервативных сил и образованию движения *идентаристов* [4] (<https://scottishdawn.com/2017/05/01/what-is-identarism>; <https://www.idetitaere-bewegung.de/blog/warum-wir-identitaere-nicht-nationalistisch-sind>). Во Франции идентаризм представлен такими группами, как «Идентаристская молодежь», «Идентаристский блок», «Земля и народ», в Скандинавии — «Северный альянс», аналитический центр Motpol (think-tank Motpol). Подобные движения и организации имеются и в других странах Европы.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Понятие национальной и этнической идентичности прежде всего означает *осознание себя* индивидом, этнической группой, *равным и отличным* с другими; осознание своей индивидуальности, неповторимости как основание равенства с иными [4].

Идентичность является общественным отношением, в котором каждая из сторон через другую осознает себя, свое отличие от другой, а также сходство с ней, т.е. здесь имеет место единство «положительной» и «негативной» самоидентификации. Этническая и национальная идентичность формируются по такой же объективной логике общественно-исторической эволюции. В связи с этим два британских исследователя А. Ташфель и Дж. Тернер рассматривают этническую идентичность как результат двух социально-психологических процессов: этнической идентификации (осознание принадлежности к определенной группе) и межэтнической

дифференциации [5]. Как следствие этническая идентичность реализуется в результате когнитивно-эмоционального процесса осознания себя как представителя определенной этнической группы, отождествления с ней и в то же время разграничения, дифференциации от других этнических групп.

Но этническая идентичность — общественно-историческое отношение, и психология личности здесь выступает как форма конкретного бытия этнической идентичности. Как пишет Ю.И. Семенов, «этнос есть общность социальная и только социальная» [6].

Контакты социального организма с другими сообществами способствуют появлению отношений противопоставления «мы — они», «свои — чужие». Начинается процесс осознания представителями данного сообщества своей принадлежности именно к нему, а не к другому, своего отличия от других и сходства с ними. Этот процесс сопровождается закреплением самоназвания и названия чужих («бойтесь данайцев, дары приносящих»), что суть самопонимание, самопознание сообществом себя как этнической общности, как субъекта межэтнических отношений. Формирование понимания этнической общности способствует сплочению членов сообщества. «Этнические идентичности становились исторически важными везде, где различные группы (этнические. — Прим. Т.М., Н.А.) взаимодействовали друг с другом на общей территории, — пишет Крейг Калхун. — Они развивались главным образом там, где концентрация населения в городе, развитие надлокальных экономических связей и/или создание государства (особенно империи) втягивало различные и внутренне сплоченные народы в отношения между собой или с самим государством» [1].

Идентичность как сложная, динамическая и постоянно меняющаяся категория во времени, пространстве и в зависимости от контекста, в котором она рассматривается, является одной из наиболее обсуждаемых исследовательских проблем в социальных и гуманитарных науках. С середины XX в. формы идентичности и процессы идентификации (этническая, религиозная, местная, региональная, культурная, национальная, наднациональная) становятся предметом анализа в рамках теорий этничности и нации, которые изучались главным образом с помощью *примордиализма* [6], *инструментализма* [7], *социального конструктивизма* [8], *этносимволизма* [9].

В этой связи мы не можем не упомянуть о дебатах о понятиях общего происхождения, языка и территории или «атрибутах» национальной идентичности (*attachments*), которые обсуждал Клиффорд Гирц; или об этнонациональных символах А. Смита (флаг, валюта, гимн, памятники, обряды), которые напоминают об общем культурном наследии и родстве; или об идее национальной идентичности как социальной «мобильной» конструкции (построении) нации, которая является «воображаемым политическим сообществом» в том смысле, в каком его употреблял Б. Андерсон [10].

На самом деле развитие этих теоретических подходов к изучению идентичности отражает постепенную эволюцию в понимании этого явления, выражающуюся в его последовательной релятивизации и субъективизации. И если первоначально, в рамках парадигмы *примордиализма* (К. Гирц, К. Лоуренс, Д. Моррис, П. ван ден Берге) идентичность рассматривается как подлинная, первичная реальность, которая служит постоянной детерминантой отношений между людьми и народами [11], то прорывом в канонах примордиализма являются теории Эрнеста Ренана [12] и Макса Вебера [13], которые делают шаг к утверждению понимания идентичности как субъективной конструкции социального воображения и, следовательно, как растяжимой, упругой категории, а не неизменной статической структуры. Идеи *инструменталистов* [7] продолжают тенденцию утверждать релятивизм/относительность идентичности, поскольку идентичность рассматривается не как исконное явление, а как стратегический выбор, который делает индивид, как инструмент защиты групповых интересов, как динамический феномен, который сочетает в себе устойчивость и историческую изменчивость. *Конструктивисты* (Ф. Барт, А. Смит, Дж. Армстронг), в свою очередь, подтверждают тенденцию к пониманию идентичности как социальной конструкции, сформированной на основе сконструированных представлений в определенной культурной среде, выполняющей инструментальные функции, позволяя таким образом человеку оказываться включенным/исключенным в различные сообщества и формируя вследствие этого динамический характер идентичности. *Модернисты* (Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбом [14]) продолжают сложившуюся тенденцию рассматривать идентичность как исторический продукт, существование которого

исторически определено, поэтому любая попытка разработать объективные критерии для характеристики национальной идентичности, по их мнению, безуспешна.

Продолжением тенденции релятивизации содержания идентичности и рассматривания ее не как статичной, а как меняющейся, гибкой и пластичной, являются идеи двух ученых XXI в.: Роджерса Брубейкера [2] и Фредерика Купера [15], которые пытаются в этой связи отличить *идентичность* от *идентификации*. Они утверждают, что термин «идентичность» этимологически заряжен семантическим значением «состояния» и поэтому не соответствует современному пониманию процесса со всеми его характеристиками: эластичностью, динамикой, изменчивостью. Из-за этого они считают более подходящим термин «идентификация».

С 1990-х гг. в контексте глобализации, когда границы между нациями и этническими группами становятся все более проницаемыми, а культурные взаимодействия все более интенсивными, основной исследовательский интерес сосредоточивается на определении *идентичности как множественной и гибридной* в рамках концепций *культурного плюрализма* или *мультикультурализма* [16].

Как же отражаются современная эпоха и процессы глобализации на эволюции национальной идентичности? Бесспорно, сегодня мы живем в мире, характеризующемся исключительной динамикой социальных процессов и масштабными преобразованиями. Ряд ученых развивают идею о том, что в конце XX и начале XXI в. человечество вступает в новый тип цивилизации. Эта новая эра, которую называют «глобальной» является «новой реальностью со своими собственными характеристиками и формами» [17]. Мобильность, переменны становятся ключевыми особенностями новой эры. Трансформация традиционных и устойчивых социальных институтов, возрастающая роль мобильности, информации и коммуникации параллельно с развитием технологий меняют значение национальных границ, преодолевают замкнутость народов и культур и создают новый социальный порядок. Все чаще экономические, информационные, экологические, культурные и т.д. факторы расширяют национальные границы и снижают их важность. В ответ на преобразования, которые происходят в современном обществе, национальная идентичность тоже меняется, например, в понимании образа национального

сообщества — от ценности, определяемой как неприкосновенность национального суверенитета, к более открытой перспективе, в которой доминирующими становятся сотрудничество, кооперация, взаимный интерес, утверждение культурной самобытности и понимание другого человека, отличного от нас.

На самом деле, научная интерпретация формирования идентичности в новых условиях глобализации все еще находится в периоде поиска новых концептуальных схем для ее объяснения. Примерами в этом отношении являются исследования А. Смита, Ч. Тейлора, Жана-Марка Ферри, Д. Чепели, Т. Иглтона, Ж. Атали и др. Выход в свет книги Ч. Тейлора «Мультикультурализм: исследование в области политики признания» [16] в 1992 г. положил начало обсуждению тенденций изменения идентичности, связанных с тем, что многие страны в условиях глобализации становятся все более неспособными решать некоторые свои проблемы и поэтому делегируют ряд своих полномочий местным органам власти или наднациональным структурам и организациям. Вследствие этого появляются новые формы идентичности, которые подрывают предыдущую узкую идентификацию с национальным государством. Жан-Марк Ферри развил идею постнациональной идентичности, связанной с принципами универсальности, автономии и ответственности. А венгерский социолог Д. Чепели утверждает, что развитие венгерской национальной идентичности идет в направлении доминанции культуры и культурных традиций. В связи с этим он выявляет три конкретные модели венгерской национальной идентичности: публичная национальная идентичность, национальная идентичность отдельных сообществ и низкопрофильное национальное самосознание. Т. Иглтон [17] использует термин «глобальная идентичность», а М. Олброу [18] говорит о релятивизации идентичности в глобальной эпохе. Теорию «братства» как переживания инаковости разрабатывает Дж. Атали [19]. Согласно этой теории, братство — это открытость к другому/другим, которая является единственным средством осмысления себя. В связи с этим важным аспектом научной дискуссии о национальной идентичности являются образы/представления других о нас, вырабатываемые в процессах взаимодействия, часть которых, образно говоря, можно определить как «столкновение цивили-

заций» (в смысле, в котором использовал его С. Хантингтон [20]).

Специфическое направление в исследованиях национальной идентичности на современном этапе представляют собой концепции европейских ученых, связанные с расширением Европейского союза и усилением в связи с этим контактов между европейскими странами, что приводит к формированию у европейских граждан сознания общеевропейской, наднациональной идентичности.

В 1991 г. А. Смит, обсуждая европейский проект как модель наднационализма, анализировал перспективы создания европейской «супернации» [21]. Он считает это возможным, если большинство европейских народов «загружено подлинным европейским самосознанием», которое может оказаться совместимым с национальным, но к нему «необходимо добавить широкий круг преданности и чувства принадлежности» к Европе.

Идея формирования общеевропейской идентичности как типа наднациональной идентичности обсуждается рядом авторов и в настоящее время. Можно упомянуть теории Walkenhorst (https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_reviews/development-of-european-identity-identities_en.pdf) и Ovunc Ongur [22], развивающих идею европейской идентичности как одной из многих социальных идентичностей, которые индивиды формируют на основе своей принадлежности к разным социальным группам. Они также утверждают, что различные формы идентичности (например, европейская, национальная, региональная) не обязательно конкурируют друг с другом, и, несмотря на то что Европейский союз определяется как гетерогенный, существует связь между степенью идентификации с ним и восприятием однородности европейских граждан. По мнению других современных ученых, контекстно-ориентированная концепция европейской идентичности как наднациональной идентичности наиболее точно соответствует ее природе (http://www.euroidentities.org/Workinprogress/Fileupload,248855_en.pdf). Эта концепция связывает разнородные измерения европейской идентичности с конкретным социальным, культурным и прочим контекстом.

Несмотря на то что некоторые исследователи, например Ф. Шульц (http://www.euroidentities.org/Workinprogress/Fileupload,248855_en.pdf), говорят о формировании понимания Европы как общего «европейского ментального пространства»,

они характеризуют его скорее как коллективные ментальные концепции, чем как формирование коллективных идентичностей, которые способствовали бы созданию «интегрированного, хотя и культурно дифференцированного европейского демоса». С другой стороны, понимание Европы как «общего ментального пространства» раскрывает горизонты, рамки, критерии и правила, выражающие связь с элементами наднационального мира, являющегося основной референтной группой при формировании наднациональной идентичности.

ОТ «НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ» НАЗАД К «НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОЙ»?

Но надо иметь в виду, что в современном мире наряду с международными аспектами бизнеса, финансов, торговли и информации, процессами интеграции, которые ведут к изменению национальной идентичности в направлении формирования сознания наднациональной идентичности, действует и обратный процесс — локализации и фиксации этнической идентичности.

Глобализация для некоторых означает локализацию для многих других. В настоящее время мобильность оказывается неравномерно распределенным благом, что становится важным фактором, определяющим идентичность. Несомненно, современный мир становится все более глобализованным — государства, нации, этнические группы находятся в возрастающей экономической, политической, научной и культурной взаимозависимости. Но как это ни парадоксально, вместе с тенденцией к глобальной гомогенизации возрождаются и старая вражда, и ненависть одних этнических групп к другим.

Получается так, что сегодня, когда глобализация создает принципиально новый способ формирования отношений в мире, связанный с минимизацией значения всяких границ, на групповом уровне наблюдаются процессы замы-

кания, при которых этническая идентификация приобретает определяющее значение. Возрождается интерес к корням, стремление этнических сообществ сохранить свою самобытность, подчеркнуть уникальность своей культуры становятся все более очевидными. Это явление, получившее название *этнического парадокса* современности [23] (поскольку оно сопровождается все более возрастающей унификацией духовной и материальной культуры), является признаком радикального изменения динамики и форм этнической и национальной идентичности. Очень часто оно генерирует этноцентризм, ксенофобию, внутригрупповое замыкание. Но нередки случаи, когда оно приводит к противоположным результатам: к утверждению *культурной идентичности* (что является предпосылкой понимания и принятия другого человека, отличного от нас), сотрудничеству, кооперации, взаимному интересу при сохранении самобытности и культурных различий. Какая из двух ситуаций реализуется, зависит от конкретного социально-политического контекста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция подходов к концептуализации идентичности является отражением наступающих изменений в отношении самого понятия идентичности в ответ на социальные преобразования и давления миграционных процессов. В современных условиях идентичность уже воспринимается не как что-то раз и навсегда данное и неизменное, а как нечто динамическое, как меняющееся реферирование к различным нормативным системам и сообществам. В таких условиях появляется необходимость создания для мигрантов институтов культурно-цивилизационной адаптации, политико-правового определения границ толерантности, уважения идентичности граждан принимающей стороны и определения границы, за которой начинаются правовые требования иммигрантам в рамках демократической законности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/ REFERENCES

1. Крейг Калхун. Национализм. Пер. с англ. М.: Территория будущего; 2006.
Calhoun Craig. Nationalism. Transl. from Eng. Moscow: Territory of Future; 2006. (In Russ.).
2. Brubaker R., Cooper F. Beyond Identity. Theory and Society. February 2000;29.
3. Поколение Идентичности. Ч. 1: Идеология и корни движения. Сб. статей. Изд. 2-е. М.; 2019.
Identity Generation. Part 1: Ideology and roots of the movement. A collection of articles. 2nd edn. Moscow; 2019. (In Russ.).
4. Махаматов Т.М. Демократия как образ жизни народа. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ; 2005.

- Makhamatov T.M. Democracy as a way of life of the nation. Moscow: Financial Academy under the Government of the Russian Federation; 2005. (In Russ.).
5. Tajfel H., Turner J. The Social Identity. Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W., eds. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall; 1986:7–24.
 6. Семенов Ю.И. Народ, этнос, нация. *Философия и общество*. 2013;(1):21–55.
Semenov Y.I. Nation, ethnic group, nation. *Philosophy and society*. 2013;(1):21–55. (In Russ.).
 7. Shils E. Primordial, personal, sacred and civilities. *British Journal of Sociology*. 1957;8(2):130–145;
 8. Connor W. A nation is a nation, is a state, is an ethnic group, is a ... *Ethnic and Racial Studies*. 1978;1:377–400.
 9. Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books; 1996.
 10. Hechter M. The political economy of ethnic change. *American Journal of Sociology*. 1974;79(5):1151–78.
 11. Smith A. *National Identity*. London: Penguin; 1991.
 12. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. New York: Verso; 1983.
 13. Smith A.D. Culture: Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism, Workshop of Ethnicity and International Relations; 23–24 November 1994.
 14. Renan E. *What is a Nation? And Other Political Writings*. New York: Columbia University Press; 2018.
 15. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Fünfte, revidierte Auflage, Besorgt von Johannes Winckelmann, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen; 1985.
 16. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press; 1992.
 17. Weinreich P. Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. *Psychology and Developing Societies*. 1991;3(1):73–92.
 18. Albrow M. *The Global Age: State and Society Beyond Modernity*. Cambridge: Polity Press; 1996.
 19. Taylor Ch. et al. *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. Princeton: Princeton University Press; 1994.
 20. Eagleton T. *The Idea of Culture*. Wiley-Blackwell; 2000.
 21. Attali J. *Fraternités. Une nouvelle utopie*. Fayard; 1999.
 22. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996.
 23. Hakan Ovunc Ongur. Towards a Social Identity for Europe? A Social Psychological Approach to European Identity Studies. *Review of European Studies*. 2010;2(2).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тайр Махаматович Махаматов — доктор филос. наук, профессор, профессор Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет, Москва, Россия

Makhamatov.tair@mail.ru

Албена Накова — доктор социологии, доцент, замдиректора Институт философии и социологии, Болгарская академия наук, София, Болгария

Albena_nakova.manolova@abv.bg

ABOUT THE AUTHORS

Tair M. Mahamatov — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University, Moscow, Russia

Makhamatov.tair@mail.ru

Albena Nakova — Doctor of Sociology, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Philosophy and Sociology of the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Albena_nakova.manolova@abv.bg

Статья поступила 10.12.2019; принята к публикации 20.12.2019.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.12.2019; accepted for publication on 20.12.2019.

The authors read and approved the final version of the manuscript.